

К тому же, отправка Су Цзиня на битву с человеком, который, возможно, был его братом, добавляла трагическую, почти фаталистическую ноту, которая наверняка пришлась бы по душе гражданам Федерации.

Но что же произошло?

Кажется, подавляющая победа была не на стороне Межзвёздной Федерации.

Су Хуайлан больше не мог сохранять свою утончённую, учтивую маску. Он мрачно уставился на виртуальный экран, где был Гу Цин, ненавидя его так сильно, что, казалось, мог убить взглядом через этот самый экран!

Но вскоре он, видимо, о чём-то подумал, и его лицо прояснилось, сменившись с мрачного на задумчивое. Он изначально считал Гу Цина бесполезным сыном, который мог бы стать лишь ступенькой для него и Су Цзиня, но теперь тот показал устрашающую силу.

Если бы эту силу можно было обратить в свою пользу, разве это не было бы лучше и быстрее, чем его нынешние кропотливые усилия?

Су Хуайлан всё больше убеждался в осуществимости этой идеи. Ведь тот ребёнок говорил, что потерял память о прошлом, да и тогда он был слишком мал, чтобы знать правду о похищении. Теперь, как отец, он мог попытаться повлиять на него, и шансы на успех казались высокими.

Не знаю, было ли это отцовской интуицией или просто совпадением, но Гу Цин, оглядев присутствующих, возглавляемых федеральным маршалом, сказал:

— Честно говоря, эта война началась не по моей воле.

Один полковник средних лет с гневом воскликнул:

— Не кажется ли вам, что после захвата Грифона и предполагаемой гибели всех граждан Федерации на этой планете такие слова звучат крайне лицемерно?

— А вы считаете, что только если Межзвёздная Федерация запустит фотонные торпеды на планету Айта и уничтожит её, любые мои слова перестанут быть лицемерными? — неторопливо парировал Гу Цин. — Это война, полковник Уоррен, и её начала именно Федерация.

Полковник Уоррен усмехнулся:

— Вы передёргиваете факты.

— Я понимаю, что вы, возможно, чувствуете боль от потери сына и считаете, что имеете право на любые эмоции, — вздохнул Гу Цин, — но я хочу сказать, что все на Грифоне, за исключением некоторых, кто потерял конечности, всё ещё живы, включая членов экипажей уничтоженных кораблей. Я не кровожаден, на самом деле, до сих пор я даже не убил ни одной курицы.

Это была чистая правда.

На планете Айта не было кур.

Полковник Уоррен взволновался:

— Вы говорите правду?

Ещё несколько человек также заволновались, но прежде чем они успели что-то сказать, федеральный маршал Энтони Ояо заговорил:

— Чего вы хотите?

Очевидно, что если противник сел за стол переговоров и раскрыл часть своих карт, у него должны были быть другие планы.

Гу Цин ответил:

— Я хочу правду о своём происхождении.

— Мне нужны Су Хуайлан и Хань Лина.

Энтони Ояо не сразу согласился:

— Су Хуайлан — высокопоставленный чиновник Федерации.

Он не мог быть уверен, что Гу Цин не потребует большего, и, кроме того, в условиях войны выдача федерального чиновника была бы равносильна полному признанию поражения. Кто знал, к чему это могло привести.

— Вы слышали о проблеме вагонетки? Это этический эксперимент, предложенный философом в древние времена на Земле, — начал Гу Цин. — Представьте, что вагонетка мчится по рельсам. На одном пути привязан один человек, на другом — пять. Вы можете переключить стрелку и выбрать, куда направить вагонетку. Спасёте одного или пятерых? Вы знаете, что такое вагонетка? Вот так она выглядела.

Несмотря на объяснение, на экране связи появилось несколько «перепуганных» лиц, одно из которых принадлежало сыну полковника Уоррена, младшему Уоррену.

Полковник Уоррен едва сдерживал эмоции.

— Теперь вопрос стоит так: вы выдадите Су Хуайлана и Хань Лину, а я отпущу всех с Грифона, и, возможно, мы сможем обсудить прекращение войны, — продолжил Гу Цин, сделав паузу, а затем добавил:

— У вас осталось не так много времени, маршал. Знаете, я не убиваю людей, но вы видели, что случилось с адмиралом Августом. Думаю, у меня есть определённый талант к внушению мыслей.

Федерация не нашлась, что ответить.

— Впрочем, мемориальные образы Су Хуайлана тоже подойдут. Я думаю, они наименее подвержены обману, — подумав, Гу Цин пошёл на уступку.

Ему не нужны были Су Хуайлан и Хань Лина сами по себе, он хотел, чтобы правда стала известна. И чем выше был Су Хуайлан, тем сильнее он должен был упасть.

Размышляя об этом, Гу Цин произнёс с пафосом:

— Ведь я такой миролюбивый, не правда ли?

Федерация снова не нашлась, что ответить.

Конечно, Федерация не собиралась просто так поддаваться на шантаж. Им нужно было убедиться, что Гу Цин действительно имеет право влиять на ситуацию, а также подтвердить, что все на Грифоне живы.

Кроме того, им нужно было обсудить, не приведёт ли их уступка к ещё более серьёзным последствиям.

Соображений было множество.

Но стоит отметить, что не все родители были такими, как Су Хуайлан, готовые пожертвовать своим ребёнком. Например, полковник Уоррен, если бы узнал, что его сын жив, наверняка бы выбрал выдать Су Хуайлана.

Вскоре федеральный маршал вызвал Су Хуайлана и объяснил ему ситуацию.

Когда речь зашла о том, что противник хочет его мемориальные образы, Су Хуайлан не смог полностью скрыть своих эмоций. Хотя он и сохранял внешнее спокойствие, услышав об общей ситуации, внутри он был в шоке и лихорадочно думал, как выйти из положения. Однако в этот момент его лицо на мгновение исказилось, и он явно показал сопротивление.

Хотя это было лишь на мгновение, для тех, кто внимательно следил за ним, этого было достаточно, чтобы кое-что заподозрить.

[Примечание автора: Гу Цин: Похоже, я получил не тот сценарий.]

Федеральный маршал Энтони Ояо твёрдо заявил:

— Депутат Су, боюсь, вам придётся предоставить свои мемориальные образы.

Су Хуайлан сохранял спокойствие:

— Я считаю, что это уловка противника...

— Даже если это уловка, мы должны сначала понять, что это за уловка, — полковник Уоррен прервал его, твёрдо заявив:

— Если противник так настойчив в отношении вас и ваших мемориальных образов, мы должны узнать, почему. Мы ещё не решили идти на уступки, но нам нужно собрать больше информации, и ваше сотрудничество необходимо.

Один генерал добавил:

— Если вы невиновны, депутат Су, почему бы вам не предоставить свои мемориальные образы добровольно?

Федеральный маршал Энтони Ояо сказал:

— Сейчас мы ведём тяжёлую войну, и ради Федерации вам лучше сотрудничать.

Су Хуайлан чувствовал, как его сердце опускается:

— У вас нет на это полномочий...

В этот момент крейсер, патрулирующий федеральную сферу, сообщил: в галактиках Ангэ и Эрбода обнаружены захватчики, и во главе их был тот самый материнский корабль, перед которым даже крупнейший боевой корабль Федерации выглядел жалко.

Кроме того, в обеих звёздных системах находились военные колонии Федерации, особенно галактика Ангэ, которая была самой процветающей в экономическом плане.

Если враг нападёт на них так же стремительно, как на Грифон, Федерация понесёт огромные потери.

Энтони Ояо скомандовал:

— Немедленно свяжитесь с президентом!

Полковник Уоррен посмотрел на Су Хуайлана:

— Думаю, у президента есть необходимые полномочия.

Су Хуайлан был в шоке.

Президент Федерации быстро отдал приказ, заставив Су Хуайлана и вызванную Хань Лину предоставить их мемориальные образы, особенно те, что касались их старшего сына.

Су Хуайлан знал, что сопротивляться бесполезно, и выбрал молчание.

Хань Лина же, узнав о происходящем, начала кричать:

— Что вы делаете? Вы с ума сошли! Это же просто отброс с уровнем духовной силы С, как он мог сделать что-то подобное!

Она злобно смотрела на каждого, яростно выкрикивая:

— Вы завидуете успеху моего мужа и хотите его уничтожить! Я не позволю вам этого...

Не закончив фразу, обезумевшая Хань Лина была обезврежена, и её мемориальные образы быстро извлекли.

Федерация сосредоточилась на их старшем сыне, тщательно изучая образы, связанные с тем периодом.

<http://bllate.org/book/15394/1359584>